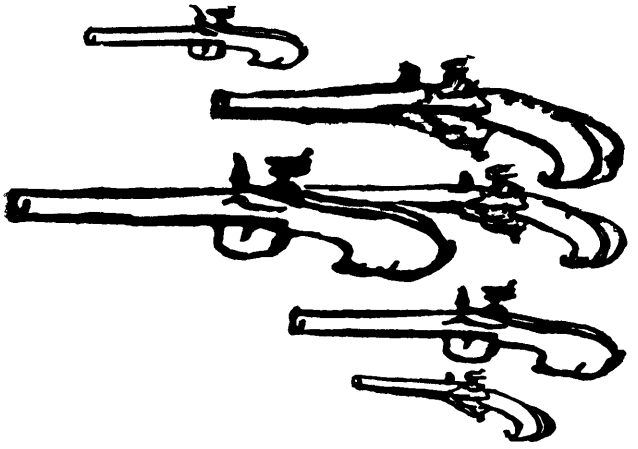

Я. Л. Левкович

КОЛЬЧУГА ДАНТЕСА

Трагический эпилог жизни Пушкина составляет одну из печальных страниц русской истории. Безвременная смерть гения, настигшая его «во цвете лет», «в средине ⟨...⟩ великого поприща»[1], ошеломила в свое время современников и вот уже более полутора сотен лет привлекает внимание исследователей и любителей литературы. «Смерть поэта — вообще незаконна. Насильственная смерть — чудовищна. Пушкин ⟨...⟩ будет умирать столько раз, сколько его будут любить. В каждом любящем — заново. И в каждом любящем вечно» — так писала Марина Цветаева[2].

---

[1] *Одоевский В. Ф.* Некролог Пушкина//Лит. прибавления к «Русскому инвалиду». 1837. № 5. С. 48.

[2] *Цветаева М.* Избр. произв.: В 2 т. Нью-Йорк, 1979. Т. 1. С. 247.

Но кроме «каждого любящего» поэта была еще любовь общепризнанная, официальная и потому как бы обязательная. Юбилейные праздники 1937 и 1949 гг. шли под знаком «наш Пушкин», «наш современник Пушкин». «Пушкин, — читаем у Б. В. Томашевского, — решительно модернизировался. Из него делали идеолога крестьянской революции, откликавшегося на последние лозунги наших дней»[3]. Исторические факты подчинялись превратно понятой злободневности. Модернизированный «наш современник» Пушкин вел себя в романах и пьесах, выходивших в 1930—1950-е годы, в полном согласии с требованиями, предъявляемыми положительному герою советской литературы. Он постоянно общается с простым народом (с крестьянами в деревне, с дворниками в городе, с капельдинерами в театре). Его главная вдохновительница — Арина Родионовна, которая не только подсказывает ему мотивы и образы стихотворений, но и обсуждает с ним политические события. В последний, трагический период своей жизни он обычно неудержимо весел и выступает как прямолинейный, не знающий сомнений и колебаний проповедник, стоящий на пьедестале непогрешимости и величия.

Модернизировался не только образ Пушкина с его примитивно подаваемой «близостью к народу»[4], но и внешние приметы эпохи. Так, в рассказе В. Рождественского «Почетный гость» сцена в книжной лавке Смирдина напоминает продажу дефицитных изданий в наши дни. «Лохматая студенческая молодежь» толпится в лавке — ждет, когда привезут из типографии очередной том «Современника». Смирдин сообщает: только что пришел «целый воз» экземпляров издания, и успокаивает ожидающих: «Не толкайтесь, господа! Тише! Тише! Всем хватит!». А посетители «жадно хватают из рук приказчика еще пахнущие типографской краской пухлые книжки в светлой обложке» и с благоговением говорят: «Подумайте, сам Пушкин»[5]. Автору нет дела до того, что журнал Пушкина не нашел своего читателя и не имел большого успеха у публики. Рождествен-

[3] *Томашевский Б. В.* Пушкин. М.; Л., 1961. Кн. 2. С. 470.

[4] В романе А. Еремина «После восстания», например, дворовый Архип, рассуждая о крепостном праве, демонстрирует популярность стихотворения «Деревня» среди простого народа: «Из головы нейдут ваши стихи, Александр Сергеевич, „Здесь барство дикое, без чувства, без закона“»; тут же Пушкин, помогающий другому дворовому расчищать дорожку, удостаивается похвалы: «Вроде и не барин. Ишь выходит как аккуратно» (*Еремин А.* После восстания. Горький, 1958. С. 168, 177). В пьесе А. Комаровского и А. Сумарокова «Изгнанник» Пушкин читает «Деревню» молдавскому крестьянину, который «кланяется ему земным поклоном» и тут же «пророчески» (как гласит авторская ремарка) заверяет поэта, что его творчество переживет не одно поколение (*Комаровский А., Сумароков А.* Изгнанник: (Пушкин в Молдавии). Кишинев, 1954. С. 16—17).

[5] Ленинские искры. 1949. 27 апр.

ский строит сюжет априорно: Пушкин — передовой писатель своего времени; в пушкинскую эпоху рождалась передовая разночинная молодежь, которая вскоре приняла эстафету дворянских революционеров; передовая разночинная молодежь должна была чтить Пушкина и читать его журнал.

Литература 1930—1950-х годов была питательной средой для рождения социально окрашенных мифов. Начиная с 1920-х годов рушились краеугольные для XIX в. нравственные постулаты, в том числе и такие понятия, как честь. Перевернутым поэтому оказалось представление о причинах, вызвавших дуэль поэта. В поле зрения исследователей в первую очередь попадали его конфликт с царем и светом, с ближайшими друзьями, материальные трудности, козни министра Уварова, и только в последнюю очередь упоминалась истинная причина дуэли — защита чести своей жены и своей семьи. Именно в это время возникла и оказалась очень устойчивой легенда, в которой «нашему» Пушкину противостоял «не наш» (иноземец) Дантес. Согласно этой легенде, во время дуэли на Дантесе была кольчуга или еще какое-то защитное приспособление, и потому он не был убит, а отделался легким ранением. Нужно сказать, что современники думали иначе: они считали, что пуля, пробив руку Дантеса, натолкнулась на пуговицу его сюртука и рикошетировала. Правда, сведения, которые мы имеем об этом, крайне противоречивы, а сам разнобой мнений свидетельствует о том, что современники не придавали большого значения истории с пуговицей. О ней пишут Жуковский, Вяземский, С. Н. Карамзина, Либерман, Люцероде. Но одни (Карамзина) упоминают о сюртуке[6], другие (прусский посланник Либерман) — о мундире[7], третьи (Жуковский) — о «пуговице, которою панталоны держались на подтяжке против ложки»[8]. Не упоминают о ней только очевидцы-секунданты — Данзас и д'Аршиак.

Легенда о кольчуге, несмотря на все старания специалистов ее опровергнуть, имеет широкое хождение, учителя рассказывают ее в школах, поэты сочиняют о ней стихи, она появляется в популярных биографических книгах. С ней связывают просьбу Геккерна об отсрочке дуэли на две недели: «Лишь страстное желание спасти Дантеса от пули, — пишет А. Гессен, — могло побудить Геккерна после получения им резкого и до крайности оскорбительного письма Пушкина обратиться к нему с просьбой о двухнедельной отсрочке дуэли: ему, видимо, нужно было вы-

[6] См.: Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. М.; Л., 1960. С. 168.

[7] См.: *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы 4-е изд. М., 1987. С. 339.

[8] Там же. С. 155.

играть время, чтобы успеть заказать и получить для Дантеса панцирь»[9]. Поддержал эту версию и известный литературовед П. Н. Берков. Рассказав историю с кольчугой и сообщив читателям, что советское пушкиноведение не приняло ее безоговорочно, он счел все же, что вопрос «не решен окончательно»[10]. Не так давно об этой легенде снова вспомнили авторы книги под многообещающим названием «В поисках истины», вышедшей во внушающем уважение издательстве «Юридическая литература»[11]. На эту последнюю публикацию откликнулся Игорь Стрежнев, посвятив «панцирной рубашке для Дантеса» одну из своих статей[12]. Стрежнев подробно излагает историю появления легенды, поэтому мы остановимся только на ключевых моментах ее возникновения и бытования.

Легенда возникла в начале 1930-х годов. В доме писателей в Малеевке, где отдыхал в это время В. В. Вересаев, в одной из бесед речь зашла о дуэли Пушкина с Дантесом. Некий архангельский литератор тут же включился в беседу и рассказал, будто в Архангельске, в старинной книге для приезжающих он видел запись о том, что незадолго до дуэли Пушкина от Геккерна приезжал человек и поселился на улице, где жили оружейники. Рассказ, по-видимому, адресовался в первую очередь Вересаеву, который в это время работал над книгой о Пушкине. В беседе принимал участие писатель И. Рахилло. Сам Вересаев об этом разговоре не писал, и сообщенные ему сведения приводит Рахилло в статье «Рассказ об одной догадке»[13]. Из статьи Рахилло мы узнаем, что Вересаев поверил в эту историю и позднее безуспешно пытался вспомнить фамилию рассказчика. Рахилло рассказывает и о письме, полученном Вересаевым с Урала от какого-то инженера, который решил проверить версию с пуговицей с помощью эксперимента: «Устроив манекен и надев на него старый френч с металлической пуговицей, я зарядил пистолет круглой пулей и с десяти шагов, как это было на дуэли у Пушкина, выстрелил в пуговицу ⟨...⟩ пуля не только не отлетела от пуговицы, а вместе с этой самой пуговицей насквозь прошла через манекен»[14].

Фамилии инженера, приславшего ему это письмо, Вересаев не назвал, но еще в 1939 г. в журнале «Сибирские огни» была

---

[9] *Гессен А.* Набережная Мойки, 12. М., 1960. С. 226.

[10] *Берков П. Н.* О людях и книгах: Из записок книголюба. М., 1965. С. 51—68.

[11] *Ищенко Е. П., Любарский М. Г.* В поисках истины. М., 1986.

[12] *Стрежнев И.* Панцирную рубашку для Дантеса//Стрежнев И. «К студеным северным волнам». Архангельск, 1989. С. 154—161.

[13] *Рахилло И.* Рассказ об одной догадке//Москва. 1959. № 12. С. 171—178.

[14] Там же. С. 173.

напечатана статья инженера М. Комара под названием «Почему пуля Пушкина не убила Дантеса»[15], из которой следовало, что эксперимент с манекеном был проделан именно им.

Проверить версию о панцире попытался Б. С. Мейлах. По его инициативе в Архангельский архив был послан запрос с просьбой сообщить, имеются ли там сведения о пребывании в городе таинственного человека «от Геккерна». Ответ был отрицательный — никаких данных, подтверждающих рассказ «архангельского литератора», обнаружено не было.

В 1963 г. легенда о кольчуге обрела новую жизнь — она была распространена аппаратом ТАСС по всем более или менее крупным газетам Советского Союза под сенсационным названием «Эксперты обвиняют Дантеса». Эксперты (правильнее было бы употребить единственное число) — это Сафронов, врач, специалист по судебной медицине, опубликовавший статью о дуэли Пушкина, где он обвинял Дантеса в преднамеренном убийстве поэта. Статья так и называлась «Поединок или убийство?»[16]. Чтобы придать своей гипотезе бóльшую убедительность, Сафронов попытался отвергнуть версию о пуговице. Он утверждал, что Дантес был одет в сюртук, на котором пуговицы располагались «в один ряд на средней линии груди» и, таким образом, «далеко отстояли от места удара пули в грудь Дантеса»; вторым его доводом был тот, что офицерские пуговицы делались из «тонкого олова, покрытого сверху тончайшими листками латуни», т. е. из мягкого металла, и, следовательно, от такой пуговицы пуля отскочить не могла.

Сенсационное сообщение ТАСС проникло в зарубежную печать. Результаты не замедлили сказаться. Через три недели после этого в Пушкинский Дом приехал корреспондент венгерской газеты, заинтересовавшийся этим сообщением. 18 мая сообщение было напечатано во французской газете «Paris match»[17], а во французском журнале «Le ruban rouge»[18] появилась статья Флерио де Лангло «Дело Дантеса—Пушкина». Статья очень сочувственная по отношению к поэту, поведение Дантеса перед дуэлью трактуется в ней как «лукавое и отталкивающее». Автор приводит сообщение ТАСС и спрашивает, на каких документальных данных основана версия о кольчуге.

---

[15] *Комар М.* Почему пуля Пушкина не убила Дантеса//Сибирские огни. 1939. № 11. С. 157—176.

[16] *Сафронов И.* Поединок или убийство?//Нева. 1963. № 2. С. 200—203. Этой же сенсационной теме была посвящена статья В. Гольдинер «Факты и гипотезы о дуэли А. С. Пушкина» (Сов. юстиция. 1963. № 3. С. 22—24), написанная на основе статьи Сафронова.

[17] Paris match. 1963. N 736.

[18] Le ruban rouge. 1963. N 19.

Игнорировать этот вопрос нельзя, так же как нельзя считать, что наука не должна иметь отношения к этой легенде. Она прямо связана с биографией Пушкина потому, что уводит внимание от истинных причин гибели поэта и способствует неисторическому взгляду на исторические события и лица.

В каждую эпоху подлецы имеют свой, свойственный этой эпохе исторический характер и свои стимулы поведения. Подлец в пушкинскую эпоху мог насмерть забить крепостного, обесчестить замужнюю даму или девицу (иногда идя даже на риск возмездия), но он не мог, отправляясь на поединок, надеть защитное приспособление — даже в случае легкого ранения оно было бы обнаружено, а это неизбежно привело бы к остракизму: ни один порядочный человек не подал бы ему руки, он был бы отрешен от общества.

Версия Вересаева—Сафронова детально была еще раз рассмотрена и опровергнута Б. С. Мейлахом [19]. Не перечисляя всех приведенных им доводов, укажем, что он основывался на заключении о работе Сафронова, написанном крупнейшими специалистами по военному костюму и знатоками пушкинской эпохи Я. И. Давидовичем, Л. Л. Раковым и В. М. Глинкой. Они опровергали основные доводы Сафронова и утверждали, что однобортных сюртуков (так описывает одежду Дантеса Сафронов) в русской армии не было, а были двубортные с двумя рядами пуговиц; кроме того, офицерские пуговицы выливались из твердых сплавов — потому-то современники и соглашались с существовавшей версией ранения Дантеса.

Несмотря на отпор, который дали легенде о кольчуге специалисты, она оказалась очень устойчивой. Правда, кольчуга была уже достаточно скомпрометирована. И тогда вместо нее на Дантесе появляется новый вид защитной одежды — кираса. Версия о кирасе была выдвинута в 1968 г. М. И. Яшиным, человеком, изучавшим историю последних дней Пушкина и обогатившим ее некоторыми новыми данными [20]. Для подкрепления версии о кирасе Яшин проводит скрупулезное исследование со ссылками на архивные документы — исходящие журналы Кавалергардского полка с записями результатов испытаний кирас как защитного средства от холодного и огнестрельного оружия. Мы узнаем, что кирасы испытывались в 1835—1836 гг. в полку, где

---

[19] См.: *Мейлах Б. С.*: 1) Дуэль, рана и лечение Пушкина: О некоторых распространившихся гипотезах//Неделя. 1966. № 2. С. 89; 2) Талисман. М., 1975. С. 148—154.

[20] См.: *Яшин М. И.* История гибели Пушкина//Нева. 1968. № 2. С. 186—198; № 6. С. 191—197; 1969. № 3. С. 174—187; № 4. С. 176—189; № 12. С. 178—192. См. также рецензию на эту статью: *Левкович Я. Л.* Две работы о дуэли Пушкина//Рус. лит. 1970. № 2. С. 211—219.

служил Дантес, что одно из испытаний было проведено 18 мая 1836 г., т. е. всего за восемь месяцев до дуэли, и еще много других подробностей (например, где можно было заказать кирасу, сколько она могла стоить, кто и по чьим заказам их изготовлял); оставалось неясным только одно: каким образом можно было кирасу (а в 1830-е годы они изготовлялись из кованого железа) запрятать под военный мундир или военный сюртук, не изменив своего внешнего вида.

Мы видели, что Сафронов вынес в заглавие своей статьи слово «убийство». Яшин пытался обосновать эту версию. Легенда о кольчуге—кирасе приобретает, таким образом, новый аспект: дуэль Пушкина трактуется уже как организованное убийство, в котором принимал невольное участие друг Пушкина, его секундант Данзас. Обвинения против Данзаса строятся на основе дуэльного кодекса. Яшин сообщает, что кодекс предписывал секундантам осмотреть одежду противника, пригласить врача на место дуэли, а непосредственно после нее составить подробный протокол поединка. Ни одно из этих правил не было выполнено.

Соотнеся поступки Данзаса с дуэльным кодексом, необходимо выяснить, как относился к дуэльному кодексу сам Пушкин. В день дуэли в 10 часов утра у Пушкина еще не было секунданта, и в ответ на настойчивые напоминания секунданта Дантеса д'Аршиака поэт писал, что он «не согласен ни на какие переговоры между секундантами», так как не хочет «посвящать петербургских зевак» в свои семейные дела, что своего секунданта привезет только на место встречи и даже согласен заранее принять секунданта, которого выберет ему Геккерн, а также предоставляет противнику выбор часа и места дуэли. «По нашим, по русским, обычаям, — заключает поэт, — этого достаточно» (XVI, 225—226, 409—410). Это было демонстративное противопоставление дуэльного законодательства бытующей практике поединков в России, а Пушкин был опытным дуэлянтом.

Отказ Данзаса от осмотра одежды Дантеса Яшин называет «игрой в благородство». Нам кажется, что слово «игра» следует вычеркнуть. Мы не знаем ни одной дуэли и ни одного литературного описания дуэли, когда бы секунданты осматривали одежду противника, — подобная проверка могла поставить проверяющего в смешное положение, вызвать пересуды, возмущение и даже новую дуэль. В качестве примера «неукоснительного выполнения» правил дуэли Яшин приводит известный поединок Шереметева с Завадовским, когда Завадовский «отдал своему секунданту Каверину часы, чтобы ничем не быть защищен-

ным»[21]. Поведение Завадовского — скорее бравада, чем следование кодексу. Мы знаем, что Пушкин во время дуэли имел на себе часы[22], а Лермонтов перед дуэлью взял у Е. Г. Быховец на счастье и положил в карман золотое бандо[23], и, однако, мы не сомневаемся в их благородстве. Возможно, что протокол, составленный на месте, прибавил бы некоторые подробности к нашему знанию обстоятельств поединка, но вряд ли следует обвинять друга Пушкина, как это делал Яшин, в том, что он «даже не знал толком, куда ранен Дантес, следовательно, и не осматривал его, хотя был должен настоять на составлении протокола поединка»[24]. У Данзаса была другая забота — скорей доставить раненого Пушкина домой.

Отсутствие врача причинило Пушкину лишние страдания, но нельзя писать, что это «сыграло трагическую роль», — поэт был ранен смертельно.

Вот так случайный разговор в доме литераторов в начале 1930-х годов породил легенду, которая держалась в пушкиноведении более пятидесяти лет. Но кто же был тот «литератор», который подбросил Вересаеву и Рахилло сюжет об улице Оружейников в Архангельске и о посланце Геккерна, и почему все это было рассказано именно в присутствии Вересаева?

На первый вопрос ответ был найден И. Стрежневым. «Литератор из Архангельска» — это Владимир Иванович Жилкин, поэт, делегат Первого съезда Союза писателей, один из первых на Севере членов писательского союза. И, как пишет Стрежнев, «все сказанное им в памятный В. Вересаеву и И. Рахилло вечер было не что иное, как мрачная шутка, мистификация, в которую вылилось характерное для Жилкина неприятие всяких досужих выдумок»[25].

Почему объектом мистификации был выбран маститый писатель и уже известный пушкинист Вересаев? В 1924 г. он выпустил ряд новелл о Пушкине[26], в 1928 г. издал третьим изданием свою известную книгу «Пушкин в жизни», а в следующем, 1929 г. появилась его программная статья «В двух планах»[27]. Можно себе представить, что другие собеседники, собравшиеся тогда в Малеевке, слушали в первую очередь откровения метра,

[21] Нева. 1969. № 12. С. 191.

[22] Об этом свидетельствует В. А. Нащокина (см.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 207).

[23] М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1964. С. 354, 355.

[24] Нева. 1969. № 12. С. 186.

[25] *Стрежнев И.* «К студеным северным волнам». С. 160.

[26] Красная новь. 1924. № 2. С. 246—271.

[27] *Вересаев В. В.* В двух планах//Вересаев В. В. В двух планах: Статьи о Пушкине. М., 1929. С. 130—172.

тем более, что у Вересаева была своя, особая позиция в пушкиноведении.

В том же 1924 г., когда вышли новеллы Вересаева, Маяковский написал свое стихотворение «Юбилейное», где резко выступил против «хрестоматийного глянца», т. е. против приглаженного и прилизанного облика Пушкина, бытовавшего в школьных программах и нравоучительных повестях. Это был протест против хрестоматийности классика, заслужившего вечную благодарность потомков, против стремления «подменить научное изучение Пушкина преданностью, благодарностью и юбилейным елеем»[28]. В стихотворении «Юбилейное» была впервые выдвинута формула «живой Пушкин» («Я люблю вас, но живого, а не мумию»).

Популярной эта формула стала благодаря работам Вересаева, который почти одновременно с Маяковским выступил против «почитателей-идолопоклонников» поэта и биографов, которые исследуют личность великого человека, «стоя на коленях»[29]. Вересаев иронизировал над «каноническим образом личности Пушкина», «фальшивым и совершенно не соответствующим действительности»[30]. Но когда Вересаев пытается изобразить «живого Пушкина», эта правильная мысль оборачивается пасквилем. В статье «В двух планах» и в предисловии к книге «Пушкин в жизни» он утверждает «поразительное несоответствие между живой личностью поэта и ее отражением в его творчестве»[31]. Первая, черновая формулировка этого тезиса появилась в 1924 г. В послесловии к своим новеллам он указывал на «несовпадение поэта с человеком в плане реальной жизни»: «...то, что в жизни, в непосредственном переживании человека было затемнено страстью или пристрастием, что было мелко, серо, нередко дрянно, пошло и даже грязно — все это у поэта претворялось в божественную незатемненность духа, глубочайшее благородство и целомудренную чистоту»[32]. В новеллах Пушкин предстает как отравленный эротизмом циник, обладатель крепостного гарема. Столь же непривлекателен и его гражданский облик: «В вопросах политических, общественных, религиозных Пушкин был неустойчив, колебался, в разные периоды был себе противоположен. Эти все вопросы слишком глубоко не задевали его»[33]. Мировоззрение поэта не было, конечно, застывшим, оно менялось вместе со временем, но животрепещущие

[28] *Белинков А.* Юрий Тынянов. М., 1960. С. 333.
[29] *Вересаев В. В.* Пушкин в жизни. М., 1928. Кн. 1. С 13.
[30] *Вересаев В. В.* Заметки о Пушкине//Новый мир. 1927. № 1. С. 185.
[31] *Вересаев В. В.* В двух планах. С. 140.
[32] Красная новь. 1924. № 2. С. 271.
[33] *Вересаев В. В.* В двух планах. С. 110.

вопросы эпохи, в частности политическое устройство общества, всегда волновали его.

Антиисторичность «хрестоматийных» дореволюционных интерпретаций заменялась антиисторичностью нового образца. Эту антиисторичность, неуважение к прошлому, непонимание бытовых реалий и уловил, очевидно, в работах Вересаева или его рассуждениях в Малеевке В. И. Жилкин и подбросил ему легенду о кольчуге.

Пафос исследователей, поддавшихся на эту мистификацию, — разоблачение врагов поэта, поэтому так устойчиво и держалась легенда о кольчуге. Но история рассудила поэта и его врагов, и ее драматические страницы отныне незачем превращать в эффектную мелодраму, в ходе которой Пушкин и его друг «храбрый Данзас» выглядят простофилями, не сумевшими разглядеть кирасу под сюртуком противника.

Пытался ли Данзас спасти Пушкина? Молва уверяла потом, что по дороге на Черную речку он ронял пули, надеясь, что кто-нибудь увидит их и догадается, куда и зачем едут сани с Пушкиным и сани с Дантесом. И. И. Пущин писал И. В. Малиновскому из Сибири 14 июля 1840 г.: «Последняя могила Пушкина! Кажется, если бы при мне должна была случиться несчастная его история ⟨...⟩ то роковая пуля встретила бы мою грудь: я бы нашел средство сохранить поэта-товарища, достояние России...» [34] Хочется верить, какие-то действия предпринимал Данзас не только по дороге к Черной речке, но и на месте дуэли. Один из авторов книги «Тайны гибели Пушкина и Лермонтова» Д. А. Алексеев убежден, что был только один способ облегчить последствия дуэли — ослабить губительное действие пули и «окончить поединок первым легким ранением». Этот способ состоял в том, чтобы уменьшить заряд пороха пистолетов. Автор приводит эпизод из повести А. Марлинского «Испытание», где один из секундантов, «желая сохранить жизнь поединщикам», уверяет, что на шести шагах «...лучше уменьшить заряд по малости расстояния» [35]. Миф это или реальность — мы никогда не сможем узнать. Если в истории дуэли была тайна, то ее унес в могилу друг Пушкина Данзас. Непоправимое случилось. Пушкин был отличный стрелок, но Дантес выстрелил долей секунды раньше. И с таким ранением, какое было у Пушкина, тогдашняя медицина справиться не могла.

---

[34] *Пущин И. И.* Записки о Пушкине, Письма. М., 1956. С. 152.

[35] *Алексеев Д. А.* Тщетная уловка Константина Данзаса: (Новая версия дуэли Пушкина)//Алексеев Д. А., Пискарев Б. А. Тайны гибели Пушкина и Лермонтова. М., 1990. С. 13.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ О ПУШКИНЕ

Санкт-Петербург
ГУМАНИТАРНОЕ АГЕНТСТВО
"АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ"
1995